

ВЛАДИМИР КУРИН

16+

ОТРАЖЕНИЕ

Владимир Сергеевич Курин

Отражение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67196011

SelfPub; 2022

Аннотация

Между худшим днём и лучшим вечером отражение в зеркале.
Непривычное отражение.

Владимир Курин

Отражение

В последнее время я патологически возненавидел свою работу. Дошло до того, что врач из поликлиники выписал мне антидепрессанты. Сначала большая доза через день, потом поменьше, но почаще. А кого не взбесит работа в костюме кресла на самом проходном перекрестке города? Я рекламирую мебель из магазина «Диванофф» за девять с половиной тысяч рублей в неделю. Не так много, но для одинокого парня как я, почти достаточно. Если бы не аренда квартиры, было бы норм. С девяти утра и до половины четвертого я шарахаюсь центральному кварталу города – на север по четной стороне, на юг по нечетной. Между светофором на перекрестке Советской и Российской и перекрестком Петровского и Ломоносова 347 шагов в костюме ультраудобного кресла от «Диванофф». Без костюма 285. Девять столбов электропередач по четной стороне и семь по нечетной, ну вы поняли, это из-за заездов во дворы многоэтажек. Их три по четной и два по противоположной.

Но мои хождения и подсчеты всего вокруг не самая главная причина ненависти к работе. Главная причина в людях. Да, именно так. Меня бесит, когда недовольные прохожие выхватывают листовки и трамбуют их в улыбку кресла. Черт! Там мое лицо! Ненавижу гребаных студентов, которые «ад-

ски» устают после пар и хотят посидеть в моем кресле. Причем ни по одному. Я подумываю вкрутить пару десятков саморезов в место для сидения. Кресло не станет тяжелее, но возможно, мне повезет и в душе запоют соловьи. Еще раздражают подпитые спортсмены. Все по пьяне вдруг становятся профессиональными бойцами UFC и находят в кресле нечто похожее на снаряд в тренажерном зале. Ублюдки!

Есть и что-то хорошее в моей работе, но я пока не знаю что. Может быть то, что я рекламирую нечто удобное для людей, которые купят такое вот кресло, присядут в него и почувствуют себя чуточку счастливей. Надеюсь это плюс моей работы. А вообще находиться в недышащей ткани с жестким каркасом целыми днями в сорокаградусную жару – ни хрена хорошего! И вонючее счастье покупателей ни капли не успокаивает! Зарплата тоже!

Зимой чуть лучше: меньше пьяниц, в кресле тепло, а не жарко, людей не так много. Но скользко. Приходилось падать. Дай Бог здоровья добрым людям, помогли встать. Самому подняться невозможно, приходится прокручиваться, чтобы добраться до замка на спине, потом вылезать из костюма и напяливать вновь.

К следующей зиме хочу сменить работу, ближе к специальности. Учусь заочно на финансиста. Наверное, благодаря этому я могу прожить на свою зарплату. Ах, да, забыл сказать, что за порчу сраного костюма с меня высчитывают. Не много, но все же. Уроды!

Так вот. В жаркий июльский день, около часу дня (я шел на север в шестой раз, на круг уходит примерно сорок минут) прицепился ко мне прибухнутый мужик. На вид лет тридцать пять, мокрая под мышками футболка, спортивные шорты и белые кроссовки с отклеенным носиком на правом. Думаете, как я мог разглядеть кроссовки? Скоро узнаете.

– Вот такая жизнь – сказал он, облокотившись на левый от меня подлокотник.

– Отвали и убери руку с подлокотника, не бабочка! – гаркнул я в ответ.

– Какое злое кресло, – ухмыльнулся он, – я, кажется, на таком на прошлой неделе такую цыпочку приласкал. Не ты был, не?

– Отвали, еще раз говорю!

– Жаль, а то она мне номер называла, а я забыл, может ты запомнил. – мужик зашелся смехом, пока смех кашлем не начал рваться обратно.

Я отошел немного в сторону с мыслями «лишь бы это пьяное дерьмо не заблевало меня вместе с креслом». Лучше бы заблевал. Он зашелся кашлем и мне стало тревожно, что он может сдохнуть прямо тут, передо мной. Я огляделся. Жара невыносимая, от земли поднимались легкие миражи, кажется, асфальт на тротуаре таял. Людей не много, кому охота шариться в такую погоду. Уходить не стал. Мало ли, загнетса бедняга, а я потом узнаю и буду винить себя всю оставшуюся жизнь.

– Подкинь двадцатку, – прохрипел мужик, успокоившись от кашля, – в сортир охота.

– Нету с собой, – буркнул я, – в офисе деньги оставляю.

Мужик подошел ко мне вплотную, шмыгнул. А потом я почувствовал, как по трико что-то потекло.

Я отпрыгнул (насколько позволил костюм) и принялся прокручивать каркас, чтобы скинуть костюм и навалить козлу ему по роже. Но, как только я расстегнул молнию, в живот прилетела нога этой сволочи. Я рухнул на горячий асфальт и тут-то перед глазами возник отклеенный носик белого кроссовка. Я отправился в бессознательный полет.

Вернулся через пару минут. Лицо горело огнем, во рту привкус крови и пыли. На асфальте перед лицом красная лужица. И никого вокруг. Кряхтя присел и облокотился на кресло. Обшивка разорвана. Этот гоблин напоследок порвал чертову ткань. Кажется, я встрял на деньги.

Когда я пришел в офис с креслом наперевес на меня уставилось шесть пар выпученных глаз. Шесть противных, мерзких рож едва сдерживали тупые улыбки. Шеф подошел ко мне, вздыхая и кивая головой, похлопал по плечу, затем посмотрел на кресло и громко вздохнул:

– Ну что ж, иди домой, приведи себя в порядок. Сегодня полдня проработал бесплатно. Неудачный денек для тебя.

Я хотел вбить его ублюдскую улыбку, чтобы она отпечаталась на его затылке. Но трезвый разум сдержал порыв горящих эмоций.

По пути домой зашел в аптеку и купил «травмалгон», девушка в белом халате сказала, что мазь поможет скорее избавиться от синяков и ушибов. Хотелось домчаться домой и скинуть это испорченное трико, выкинуть его в мусоропровод и встать под горячую струю душа.

Треклятый лифт не работал, пришлось подниматься на седьмой этаж пешком. На пролете между третьим и четвертым этажами курил Виктор Палыч, неисправимый «Танкист».

– Здравсьте, Виктор Палыч, – натянуто улыбнулся я, – надеюсь, вода есть?

– Привет, Максимка (мой ник во всех онлайн играх, только пишется MaXim'ca, ну хотя я Максим), да вроде была. – не поворачиваясь ответил он.

– Хоть что-то на сегодня позитивное.

– День паршивый? – спросил он и посмотрел на меня, – Глупый вопрос.

Я улыбнулся и поплелся дальше.

***

Открытые на верхние положения окна в зале и кухне шумно гоняли сквозняк по квартире, который играл с занавесками и скатертью на кухонном столе. Первым делом скинул трико и отправил его в мусорный пакет. В следующее мгновение я в трусах нес пакет к мусоропроводу. Дальше по плану горячий душ. Хотя бы в этом сегодня мой день – вода давила бешеным напором горячую воду. Блаженство.

Мазь на лицо и нижние ребра нанес, как вазелин боксеру перед боем, как будто, чем толще слой, тем скорее целебный эффект. Закрыл окна в квартире – хотелось абсолютной тишины, и прилег на диван с журналом «За рулем» в руках.

– Неважно выглядишь. – произнес голос где-то за спиной.

Я подлетел вверх, будто использовал катапульту, встроенную в диван. С бешено стучащим сердцем я вцепился пальцами ног в ковролин. В зеркале шкафа-купе стоял я со скрещенными руками на груди. Но мои-то руки были согнуты в локтях перед собой, в правой журнал, левая сжата в кулак.

– Что? – спросило отражение.

Наверняка причина в антидепрессантах. Надо бы позвонить доктору. Где чертов телефон? В кухне, на столе. Я сделал шаг вперед, но мое отражение даже не шелохнулось. Еще шаг. Оно на месте.

– Я не твое отражение, не жди, что я буду как идиот за тобой повторять.

Передо мной стояло мое отражение, которое решило жить самостоятельной жизнью. Но так ведь не бывает!

– Не спеши убегать, – сказала оно, распрямляя руки и сделав пару шагов мне навстречу, но при этом оставалось в зеркале, – я могу помочь тебе с твоими проблемами.

Я замер. Когда-то читал в какой-то книге, что отражение не может выйти за границу зеркала, пока сам чего-то там не напортачишь. Не помню, что именно, но вроде как надо что-то сказать, чтобы оно могло пересечь эту границу.

– Как? – выдавил я из себя хрипло, что даже сам не узнал свой голос.

– Чудесным образом. Я покажу тебе мир, где ты будешь свободен, как капля в океане. Масса удовольствий, бесконечный драйв.

– А что взамен? – начал я приходить в себя.

– Ничего. Мне просто жалко на тебя смотреть.

– Ага, ничего. Знаю я, как дьяволы этим ничего потом души присваивают.

– Давай начнем с того, что я никакой не дьявол, и даже, не его подручный демон.

– А кто?

– Волшебник, – хихикнул он и тут же на его голове появился колпак с широкими полями и помпоном на верху, – или клоун, – на носу возник красный кругляш, – а может я искусный маг, – колпак исчез и вместо него на голове моего отражения появился черный цилиндр, а в руке искрящаяся палочка, похожая на бенгальскую свечу.

– Или моя шизофрения...

– Нет, что ты... ты абсолютно здоров. Пройди сюда, а не понравится – всегда сможешь вернуться. В любой момент. – отражение улыбнулось.

Не знаю почему, но я двинулся к нему навстречу. Когда подошел к зеркалу он сделал несколько шагов назад и мотнул головой приглашая идти дальше. Я протянул левую руку вперед и она вошла в зеркало, оставляя на поверхности

разводы, как на воде. Сердце затрепыхалось кучей листы на ветру, полотенцем на балконной веревке, коротким замыканием в розетке, а рука уже по локоть исчезла здесь, но в зеркале она появлялась в кожаной перчатке с обрезанными пальцами, как у гонщиков.

Рука вошла по плечо и за пределами квартиры она была куда мускулистей, и черная восьмерка красовалась на волосатом предплечье.

Дыхание сперло, вдох завис где-то в горле, превратился в камень, который уперся краем в кадык и отказывался проваливаться в легкие. Жар поднимался от живота к голове. Со лба на щеку упала горячая капля. Стекая вниз к шее, она оставляла за собой дикое жжение, словно лезвие ножа прошло по лицу, способному выдержать любой удар.

– Красава, – прошипело отражение, когда я вошел в зеркало полностью.

Я почувствовал прилив сил. Все, что было во мне: физическая сила, энергия, даже, какая-то внутренняя уверенность в себе, все это умножилось на тысячу. Рельефные руки, мощная грудная клетка растягивала потрепанную майку без рукавов, а джинсы плотно облегли мышцы ног.

– Какого черта происходит? – спросил я.

– Чувствуешь мощь своего тела и духа?

Я сглотнул и кивнул.

– Вперед. – прошептал он, указывая на черный Харлей с белой пулей сбоку бензобака.

Я подошел к мотоциклу, уселся в удобное сиденье, снял с подножки и завел этого монстра. Рычание подо мной пришлось дрожью по телу, ударило в голову, и та немного закружилась.

– Кайфуй! – сказала отражение.

Я дернул кистью, разбудив стадо лошадей, которое понесло меня по знакомым улицам моего города.

Стемнело. Уличное освещение желтило дороги. И только сейчас я посмотрел на свою правую руку – тату в виде гранаты без чеки. Пожал плечами и поехал дальше. Руки сами управляли, зная куда надо ехать и мотоцикл с рыком проезжал по улицам. Прохожие оборачивались на меня, некоторые завидно кивали, парень из прогуливающейся компании протянул в мою сторону руку с поднятым вверх большим пальцем. Крякнул клаксоном ехавший навстречу мужик с длинными волосами. У меня, кстати, тоже прическа изменилась, по шее чуть выше плеч щекотно скользили волосы.

Вверх по Советской. Скоро светофор на перекрестке с Российской. Потом еще чуть вверх Советской и двухэтажное здание с темно-коричневым текстом на бежевом фасаде «Диванофф».

Со светофора я стартанул, приподняв переднее колесо в воздух. Сыгравшие амортизаторы приятно сыграли с дорогой. Подъехал к треклятому магазину с чувством безумного возбуждения. Как кстати под правой рукой из чехла, как из

ножен, торчала рукоятка «Хеклер и Кох». Тепло потекло от груди к низу живота. Я вытащил пулемет и направил на магазин.

Я гоготал во весь голос, пока свинцовые пчелы разрушали улей, это смердящее крысиное логово. Мне понадобилось четыре магазина патрон, чтобы написать на фасаде магазина крупным шрифтом «вы уволены». Зрелище осыпающихся стекол захватывало дух не меньше циркового акробата на канате под куполом шатра. Звон бьющихся осколков представал перед глазами кубиками льда на дне бокала. Не хватало виски. Но я обнаружил его, виски, на левом бедре. Правда это были гранаты.

Отъезжал от бывшего магазина мебели под аккомпанементы взрывов и зарева всепоглощающего пламени. Всю дорогу ехал с чувством опустошенного мочевого пузыря, как вдруг подумал: «не мало ли три гранаты для двух этажей?». Но, решив, что будет достаточно прибавил газу.

***

Приходил в себя болезненно. Теплые лучи солнца грели спину. Прохладный утренний ветер играл с танцующей пылью в полосе неугомонного светила. Глаза еле продрал. Левый подергивало. Уселся на диване, подняв в воздух еще облако пыли. Глянул в зеркало: сижу, прижавшись к спинке, фингал под левым глазом почернел, правый, хоть и не подбитый, но тоже китайский, заспанный. Футболка помятая, волосы торчат, на правом плече морщины от долгого лежа-

ния на одном боку. Подошел к зеркалу и аккуратно коснулся пальцем холодной поверхности. Ноготь побелел, но палец категорически отказывался проходить сквозь гладкое стекло. Я прижался правой щекой к зеркалу, словно пытался заглянуть в окно и увидеть что-то там за границами отражающейся комнаты. затем прижался левой, но ничего кроме вспышки боли в глазу не увидел.

– Надо же такому присниться, – просипел я. В горле пересохло, ноги гудели, словно марафон пробежал. Мочевой просился облегчиться. После туалета умылся холодной водой, вроде взбодрило. Глаз приоткрылся чуть шире. В кухне над дверью часы показывали 7:35.

«Чуть не проспал на «любимую» работу».

Нажал кнопку на чайнике и повернулся к столу. Телефон подмигивал индикатором. Три пропущенных от шефа. Только собрался перезвонить, как заметил единичку на значке сообщений. Голосовое. Голос шефа дрожит, на заднем фоне какой-то шум, голоса, возня:

– Макс, это пи..ец, кто-то спалил магазин. Перезвони.